

Библиотека Всемирной Литературы

Говард Филлипс Лавкрафт

Зов Ктулху. Рассказы. Повести

Говард Лавкрафт
Музыка Эриха Занна

«ЭКСМО»

1922

Лавкрафт Г. Ф.

Музыка Эриха Занна / Г. Ф. Лавкрафт — «Эксмо», 1922

Глухой музыкант по ночам играет потрясающие мелодии на виоле. Но почему он так панически боится открыть вечно занавешенное окно в своей комнате?

© Лавкрафт Г. Ф., 1922

© Эксмо, 1922

Говард Филлипс Лавкрафт Музыка Эриха Занна

Я с величайшим усердием просмотрел карты города, но так и не нашел на них Rue d'Auseil. Конечно, названия меняются, поэтому я пользовался не только новейшими картами. Напротив, я досконально изучил старые справочники и лично обследовал многие уголки города, улицы которых напоминали ту, что я знал под названием Rue d'Auseil. Но, несмотря на все старания, я, к стыду своему, не могу найти дом, улицу или даже часть города, где в последние месяцы моей убогой жизни студента-метафизика местного университета я слушал музыку Эриха Занна.

Я не удивляюсь своей короткой памяти, ибо мое здоровье, физическое и душевное, было сильно подорвано в ту пору, когда я жил на Rue d'Auseil, я даже припоминаю, что не завел там ни одного из моих многочисленных знакомств. Но то, что я не могу отыскать это место, удивительно и загадочно: ведь я жил в полудне ходя от университета на улице столь примечательной, что вряд ли позабыл бы ее примет. Но мне еще не повстречался ни один человек, видевший Rue d'Auseil.

Эта улица находилась по другую сторону темной реки, окруженной кирпичными товарными складами со слепыми тусклыми окнами, с громоздким мостом из темного камня. Здесь всегда было туманно, словно дым соседних фабрик постоянно скрывал солнце. От реки исходили дурные запахи, каких я не припомню в других местах города. Они могли бы помочь мне в моих поисках, я тотчас уловил бы эту характерную вонь. За мостом брали начало узкие мощенные булыжником улицы с трамвайными рельсами, потом начинался подъем – сначала плавный, а потом, у подхода к Rue d'Auseil, очень крутой.

Я нигде не видел улицы более узкой и крутой, чем Rue d'Auseil. Она взбегала в гору и считалась пешеходной, потому что в нескольких местах приходилось подниматься вверх по лестнице, а в конце она упиралась в высокую, увитую плющом стену. Улица была вымощена булыжником, но местами – каменными плитами, а кое-где проглядывала голая земля с едва пробивающейся буровато-зеленой растительностью. Дома – высокие, с островерхими крышами, невообразимо древние, шаткие, покосившиеся вперед, назад, вбок. В некоторых местах дома, стоявшие друг против друга и накренившиеся вперед, почти соприкасались посреди улицы, образуя что-то вроде арки, сильно затеняя все внизу. От дома к дому на другой стороне было переброшено несколько мостиков.

Но особенно впечатляли обитатели улицы. Сначала я заключил, что они молчаливые и замкнутые, а потом понял, что все они очень старые. Не знаю, почему я там поселился, наверное, был немного не в себе, когда туда переехал. Я жил во многих бедных кварталах, и меня всегда выселяли за неуплату ренты. И вот наконец я оказался на Rue d'Auseil, в полуразрушенном доме, где консьержем служил парализованный Бландо. Это был третий дом с вершины холма и, пожалуй, самый высокий.

Моя комната была единственной жилой на пятом этаже почти пустого дома. В первый же вечер я услышал странную музыку, доносившуюся из мансарды под островерхой крышей, и на следующий день заинтересовался у старого Бландо, кто играет. Он сказал, что играет на виоле старый немец, глухой чудак. Судя по записи, его зовут Эрих Занн. По вечерам он играет в оркестре в дешевом театре. Бландо добавил, что Эрих Занн поселился в мансарде под самой крышей, потому что имеет обыкновение играть в поздние часы после возвращения из театра. Слуховое окошко в мансарде – единственное место, откуда открывается панорама за стеной, замыкающей Rue d'Auseil.

С тех пор я каждую ночь слышал игру Занна, и, хоть он не давал мне спать, я был словно околдован его таинственной музыкой. Я не полагал себя знатоком и тонким цените-

лем музыки, и все же меня не покидала уверенность, что я никогда раньше не слышал ни одной из мелодий, которые он играл, и потому заключил, что Занн – композитор, наделенный редким даром. И чем больше я его слушал, тем больше меня зачаровывала его музыка. Через неделю я решил свести с ним знакомство.

Однажды поздним вечером, когда Занн возвращался с работы, я перехватил его в коридоре и сказал, что хотел бы с ним познакомиться и побывать у него в мансарде, когда он будет играть. У Занна, маленького, худого, согбенного, в потертом костюме, было насмешливое лицо сатира, голубые глаза и почти лысая голова. Мое обращение, казалось, его сначала рассердило и испугало. Но в конце концов несомненное дружелюбие смягчило старика, и он нехотя сделал мне знак следовать за ним по темной шаткой чердачной лестнице. Его комната, одна из двух мансард, притулившихся под островерхой крышей, выходила на запад, к высокой стене в верхней части улицы. Просторная комната казалась на вид еще больше: она была очень пустой и запущенной. Узкая железная кровать, грязный умывальник, большой книжный шкаф, железная подставка для нот и три старомодных стула составляли всю меблировку. На полу лежали в беспорядке кипы нотных листов. Дощатые стены комнаты, по-видимому, никогда не штукатурили. Пыль, лежавшая повсюду толстым слоем, и паутина усиливали общее впечатление запущенности и заброшенности. Вероятно, мир прекрасного Эриха Занна находился далеко отсюда, в космосе воображения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.